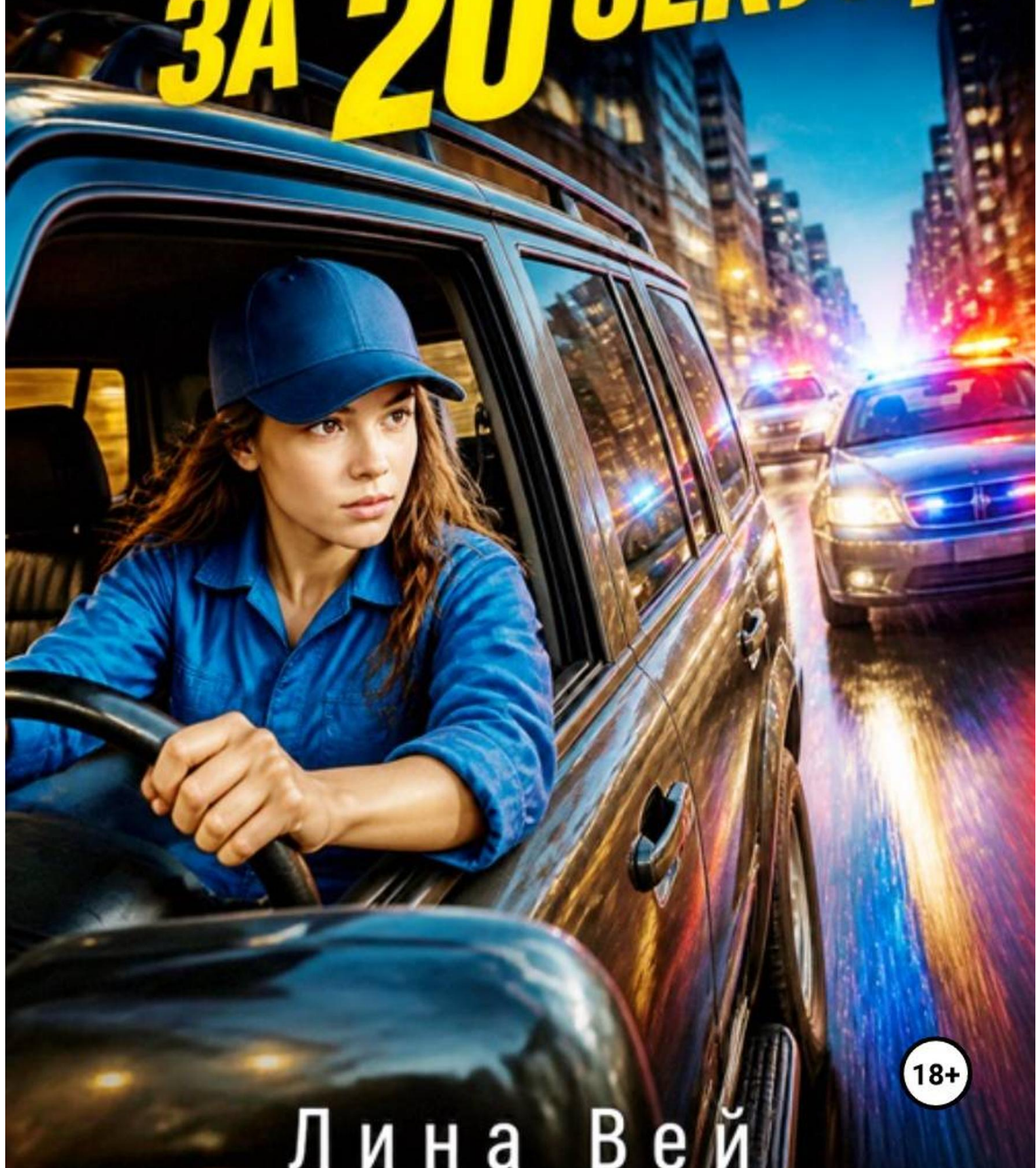

УГНАТЬ ЗА 20 СЕКУНД

18+

Лина Вей

Лина Вей

Угнать за 20 секунд

«Автор»

2026

Вей Л.

Угнать за 20 секунд / Л. Вей — «Автор», 2026

Двадцать секунд. Ровно столько уходило у Оли на то, чтобы открыть любой замок. Не больше. Не меньше. Будто она не машину вскрывала, а читала её, как открытую книгу. Оля и Макс работали в автомастерской на окраине. Чинили чужие машины, варили кофе, шутили про клиентов, которые верят, что двигатель заводится от молитвы. Обычная жизнь. Обычные люди. Пока отец не заболел. Операция стоила миллион. Таких денег у них не было. И не было бы. Система не помогала. Фонды отвечали: «Рассмотрим заявку в течение тридцати дней». А отец мог не дотянуть до тридцати дней. Шесть машин. Шесть ночей. Шесть замков, которые щёлкали под её пальцами, как слова, которые она не хотела произносить, но произносила. Ленд Крузер в спальном районе. Мерседес в центре, под камерами. Тихий угон в гараже без свидетелей, где тишина страшнее сирен. Каждый — отдельная история. Каждый — шаг ближе к сумме, которая должна спасти отца. И каждый — шаг дальше от той Оли, которая варила кофе и шутила в мастерской.

© Вей Л., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог. Двадцать секунд	5
Часть 1. Жизнь до двадцати секунд	8
Глава 1. Мастерская и запах масла	8
Глава 2. Счёт, который нельзя игнорировать	11
Глава 3. Предложение, от которого не отказываются	14
Глава 4. План, который звучит как безумие	17
Глава 5. Первый раз — самый страшный	20
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Лина Вей

Угнать за 20 секунд

Пролог. Двадцать секунд

— Знаете, как всё ломается в одну секунду? — Макс чуть наклонил чашку, будто хотел выцедить из неё не кофе, а воспоминание. Он сидел на кухне, в полумраке, только лампа над столом рисовала круг света, а по краям тень прятала старые фото на стене. — Не в ту, когда щёлкает замок, а в ту, когда понимаешь: другого пути нет.

Он сделал паузу, будто прислушиваясь, не скрипнет ли дверь, не войдёт ли кто лишний. Потом снова заговорил, уже тише, почти про себя:

— У Оли на вскрытие уходило ровно двадцать секунд. Не больше. Не меньше. Как будто она не машину открывала, а читала её, как открытую книгу.

Я сидел напротив, крутил в пальцах ложечку, и мне казалось, что этот рассказ — не про угоны, не про скорость, а про то, как люди становятся другими, когда выбора почти не остаётся.

Макс усмехнулся, но в этой усмешке не было веселья.

— Да, звучит как байка. Но это правда. Хотите, расскажу, как это выглядело?

Я кивнул.

Тот вечер был серым, как город после дождя. Асфальт блестел, отражая свет фонарей, а воздух пах мокрым бетоном и бензином — привычным запахом улиц, где жизнь крутится вокруг машин.

Оля стояла у чёрного Ленд Крузера, чуть ссутулившись, будто хотела стать незаметной. На ней была простая чёрная куртка, капюшон накинута, но не натянута — чтобы не мешать обзору. В кармане — маленькая коробочка, не больше пачки сигарет. Макс стоял в десяти шагах, спиной к камере на углу, делал вид, что проверяет телефон. На самом деле он считал секунды и ловил малейшее движение вокруг.

Из наушников Оли доносился тяжёлый гитарный рифф — рок, который она всегда включала перед делом. Не для храбрости, а чтобы отсеять лишние звуки: шаги, голоса, дыхание города.

Она посмотрела на дверь машины, будто считывала её. Не глазами — пальцами. Провела по кромке, нашла микрощель, где пластик чуть отходит. Потом достала коробочку, приложила к двери рядом с ручкой. Внутри что-то тихо щёлкнуло, как будто машина сама решила: ладно, я сдаюсь.

— Раз, — прошептала Оля.

Замок щёлкнул.

Она потянула ручку, открыла дверь — ровно на второй секунде.

Села, не глядя по сторонам — она уже всё увидела до этого. Ключ-заготовка в замке, поворот. Двигатель отозвался низким, уверенным рыком — на шестой секунде.

— Шесть, — снова шепнула она, будто вела счёт для себя, чтобы не потерять ритм.

Левая нога на сцепление, правая — газ. Машина плавно тронулась, без визга шин, без суеты. Оля знала: шум — это ошибка. Ошибка — это время. А время у них было ровно двадцать секунд, чтобы исчезнуть из кадра той самой камеры на углу.

На десятой секунде она свернула в узкий проезд между домами — туда, где камера смотрела в другую сторону. На пятнадцатой — проехала мимо спящего охранника у шлагбаума, он даже не повернул головы. На восемнадцатой — нырнула в тёмный двор, где стены домов смыкались, как стены ловушки, но для неё это был выход.

И ровно на двадцатой секунде Ленд Крузер замер в тени гаража без окон. Оля выключила двигатель, сняла наушники, и на секунду в мире стало тихо. Только стук сердца в ушах, быстрый, ровный, как метроном.

— Двадцать, — выдохнула она.

Макс подошёл, открыл дверь с её стороны, заглянул внутрь.

— Без суеты, — сказал он, и в его голосе слышалось что-то похожее на гордость, смешанную со страхом. — Ты делаешь это слишком легко.

Оля пожала плечами, будто речь шла не об угоне, а о том, как быстро она открывает банку газировки.

— Это не легко, — сказала она. — Это просто... знакомо.

Они перегнали машину в отстой — в тот самый укромный двор, где старые гаражи стояли плечом к плечу, а между ними висели провода, как паутина. Там их уже ждали. Там были другие люди, с холодными глазами и короткими фразами. Там деньги меняли руки, а вопросы не задавали.

Но сейчас, в эти минуты после, Оля шла по улице одна. Макс остался разбираться с формальностями, а ей нужно было просто пройти, почувствовать, как город снова становится обычным.

Кроссовки шуршали по мокрому асфальту. Ветер трепал капюшон. Музыка теперь была не в наушниках, а где-то далеко — из открытого окна первого этажа, какой-то старый хит, который все знают, но никто не слушает всерьёз.

Оля поднялась на свой этаж, открыла дверь квартиры. И сразу услышала кашель. Тихий, сухой, будто кто-то царапал стекло изнутри.

Отец сидел в кресле, укрытый пледом, лицо бледное, глаза чуть прищурены от света лампы.

— Ты поздно, — сказал он спокойно, без упрёка.

— В мастерской задержалась, — ответила Оля, и слово «мастерская» легло на язык как привычная маска. — Всё нормально.

Отец кивнул, будто поверил. Или сделал вид, что поверил.

Оля прошла на кухню, поставила чайник, и только тогда заметила конверт на столе. Белый, тонкий, с логотипом клиники. Она знала, что внутри. Знала ещё до того, как взяла его в руки.

Счёт. Сумма, которая не уместилась в голове. Сумма, ради которой люди делают то, чего не должны.

Она положила конверт обратно, будто это могло что-то изменить. Потом села на табурет, обхватила себя руками, чтобы не дрожали пальцы.

В коридоре отец снова закашлялся. Звук был такой, будто город за стеной вдруг стал слишком тяжёлым для одного человека.

И в этот момент Оля поняла: двадцать секунд — это не про машину. Это про то, сколько времени нужно, чтобы переступить черту. И сколько потом приходится жить с этим.

Макс на кухне допил остывший кофе и посмотрел на меня.

— Вот так всё и началось, — сказал он. — Не с криков, не с пистолетов. С тишины. С двадцати секунд, которые вдруг стали слишком громкими.

За окном шевельнулась тень. Макс чуть напрягся, потом расслабился — это просто ветка царапнула стекло.

— Вы думаете, это романтично? — спросил он, будто прочитал мои мысли. — Угон, скорость, рок-музыка... Нет. Это страшно. Но когда на кону жизнь человека, который тебе дороже всего, ты начинаешь считать секунды. И стараешься, чтобы их было ровно двадцать. Ни больше. Ни меньше.

Он отодвинул чашку, встал, прошёл к окну, посмотрел на улицу, где ночь уже окончательно забрала город себе.

— А дальше... дальше было хуже, — тихо добавил он. — Но это уже другая история.

Часть 1. Жизнь до двадцати секунд

Глава 1. Мастерская и запах масла

Запах в мастерской был такой, что его можно было почти потрогать: густая смесь машинного масла, горячего металла, старой резины и чуть сладковатого растворителя. Он въедался в одежду, в волосы, в кожу — и становился родным. Для Оли этот запах был как пароль: ты свой, если не морщишься, а втягиваешь его поглубже и киваешь: «Да, тут всё как надо».

Мастерская стояла на окраине, в длинном ряду гаражей, где каждый бокс имел своё лицо: где-то висели флаги, где-то — календари с полуголыми девушками из нулевых, а у них — только выцветший плакат «Не верь клиенту, который говорит: Она сама заглохла». Эту надпись Макс когда-то вывел маркером прямо на фанерной перегородке, и она прижилась.

— Ну, давай, — Макс стоял у старенькой «Тойоты», скрестив руки, и смотрел на Олю так, будто от её следующего шага зависело, разрешат ли ему вообще дальше тут работать. — Не торопись. Сначала послушай.

Оля хмыкнула, но спорить не стала. Она знала этот тон: Макс не проверял, умеет ли она крутить гайки. Он проверял, слышит ли она машину.

— Слышу, — сказала она. — Стучит. Где-то сзади.

Макс прищурился, будто пытался разглядеть в её словах правду.

— Не просто стучит, — поправил он. — Это не «стучит», это «цокает». И не сзади, а в подвеске. Если будешь говорить «стучит» — будешь менять всё подряд. А если скажешь «цокает» — поймёшь, что это шаровая.

Он наклонился, постучал по рычагу — короткий, сухой звук, как щелчок пальцами.

— Вот. Это она. Шаровая умерла, но не хочет признаваться. Как наш дядя Петя, помнишь? Говорит, всё нормально, а сам уже третий день не встаёт.

Оля фыркнула, но тут же сдержалась — не потому что не смешно, а потому что рядом был отец.

Отец сидел на старом табурете у дальней стены, где было светлее и не тянуло сквозняком. Он делал вид, что листает каталог запчастей, но Оля знала: он просто не хотел быть обузой. После того как кашель стал постоянным спутником, он почти не брал в руки тяжёлые инструменты, но и уйти из мастерской не мог. Это был его мир. И он держался за него, как за поручень в трясущемся автобусе.

— Ты не слушай его, — тихо сказал отец, не поднимая глаз от каталога. — Он из любой детали трагедию делает.

— Я из любой детали делаю деньги, — буркнул Макс, выпрямляясь. — А деньги — это не трагедия, это математика. Вот смотри, Оль. Клиент приходит и говорит: «У меня там что-то гремит». А ты должна понять: это он сам что-то уронил в багажник, или у него стойка потекла, или он уже месяц ездит на одном болте и не замечает.

— А если он скажет: «Я точно знаю, это ремень»? — спросила Оля, присаживаясь на корточки рядом с машиной.

Макс закатил глаза.

— Тогда ты говоришь: «Хорошо, посмотрим ремень». Потому что спорить с клиентом — это терять клиента. А терять клиента — это терять деньги. Но смотришь не ремень. Смотришь всё. Потому что клиент знает, что у него гремит. А ты должна знать, почему.

Оля улыбнулась — не широко, а краем губ. Ей нравился этот урок. Не про гайки, а про то, как видеть дальше слов.

В этот момент дверь гаража распахнулась, впуская вместе с потоком воздуха и дневного света очередного клиента — мужчину в дорогом пальто, который смотрел на мастерскую так, будто она могла его укусить.

— У меня «Мерседес», — сразу начал он, не здороваясь. — Не заводится.

Макс даже не поморщился. Он просто кивнул, как будто это была самая обычная фраза, вроде «Сегодня дождь».

— Хорошо, — спокойно сказал он. — Где стоит?

— На парковке у торгового центра, — ответил клиент. — Я думал, он сам заведётся.

Оля чуть не рассмеялась, но вовремя прикусила язык. Макс бросил на неё короткий взгляд — «не сейчас» — и снова повернулся к клиенту.

— «Сам заведётся» — это не диагноз, — мягко, но твёрдо сказал он. — Давайте сначала посмотрим, что там с аккумулятором, потом с иммобилайзером. А потом уже будем думать, верит он в нас или нет.

Клиент нахмурился, будто ему предложили не починить машину, а прочитать лекцию по философии.

— Вы что, не можете просто посмотреть?

— Могу, — кивнул Макс. — Но если я посмотрю и скажу «всё нормально», а он опять не заведётся, вы скажете, что я ничего не сделал. Поэтому я сначала посмотрю, потом расскажу, что увидел, потом спрошу, что делаем дальше. Это не бюрократия. Это чтобы вы знали, за что платите.

Клиент помолчал, потом неохотно кивнул.

— Ладно. Только побыстрее.

— Быстрее, чем физика позволяет, не бывает, — пробормотал Макс, когда клиент вышел. Потом повернулся к Оле: — Запомни: клиент всегда хочет быстрее. Но машина не хочет. Машина хочет, чтобы её слушали.

Оля кивнула.

— А если она не говорит? — спросила она.

— Значит, притворяется мёртвой, — хмыкнул Макс. — И тогда надо искать, кто её «убил». Чаще всего это аккумулятор, реже — свечи, ещё реже — гордость владельца.

Отец, до сих пор молчавший, вдруг тихо добавил:

— Или вера. Некоторые думают, что машина заводится от веры. Как будто если сильно хотеть, она сама поедет.

Макс фыркнул.

— Вера — это хорошо. Но без аккумулятора далеко не уедешь.

Они переглянулись — Макс, Оля и отец — и в этом взгляде было что-то важное: не просто шутка, а общий язык, на котором они говорили уже много лет.

Пока Макс с клиентом уходили к «Мерседесу», Оля осталась у «Тойоты». Она снова присела, потрогала рычаг, прислушалась к тому, как он двигается. И вдруг поняла: да, это не просто стук. Это цоканье. Тихий, упрямый звук умирающей детали.

Она улыбнулась.

— Привет, — прошептала она машине. — Я тебя слышу.

И в этот момент ей показалось, что машина чуть вздохнула в ответ — не звуком, а вибрацией, которая прошла по металлу и коснулась её пальцев.

Позже, когда клиент уехал (с машиной, которая всё-таки завелась, и с квитанцией, где всё было расписано по пунктам), Макс вернулся в мастерскую, снял перчатки и бросил их на верстак.

— Ну что, — сказал он, глядя на Олю. — Теперь ты знаешь: машина — это не железо. Это характер. И если ты его чувствуешь, ты можешь с ним договориться. Даже если он вредный.

Оля кивнула, но не стала говорить, что уже договорилась. Пусть это останется её маленьким секретом.

Отец аккуратно закрыл каталог и встал, чуть задержавшись на секунду, чтобы не показывать, как тяжело ему даётся каждое движение.

— Молодцы, — тихо сказал он. — Хорошо работаете.

Макс хотел было отмахнуться, но не стал. Просто кивнул.

— Стараемся, — сказал он.

А Оля вдруг подумала: вот этот день — обычный, пахнущий маслом и бензином, с ворчливым братом и тихим отцом — был самым правильным из всех. И ей хотелось, чтобы он длился подольше. Чтобы не было никаких счетов на столе, никаких срочных операций, никаких двадцати секунд, за которые нужно успеть переступить черту.

Но где-то в глубине кармана куртки лежал маленький чёрный прибор — тот самый, что щёлкал замки, как будто они сами хотели открыться. И он напоминал: мир не всегда даёт время на разговоры с машинами. Иногда он требует действий.

Глава 2. Счёт, который нельзя игнорировать

Больница пахла так, будто пыталась стереть все остальные запахи мира: хлоркой, спиртом, чем-то острым и безжизненным. Этот запах въедался в ноздри и заставлял дышать поверхностно, будто если вдохнуть глубже — сразу поверишь, что тут всё серьёзно.

Оля шла по коридору рядом с отцом, стараясь держать шаг ровно, не спешить, не выглядеть так, будто ей хочется сбежать. Отец шёл сам, без костылей, с прямой спиной и чуть поднятым подбородком — как будто это был не приём у врача, а деловая встреча, на которую нельзя опаздывать и нельзя показывать слабость.

Макс шёл позади, молча. Он не шутил, не отпускал своих обычных реплик про «врачей, которые любят писать неразборчиво, чтобы казаться умнее». Он просто держал папку с анализами, смотрел в пол и иногда коротко кидал взгляд вперёд — проверяя, всё ли в порядке.

— Ну вот, — отец чуть замедлился у двери кабинета. — Не надо переживать. Это просто разговор.

Оля хотела сказать: «Я не переживаю», но слова застряли. Потому что она переживала. Сильно.

В кабинете было светло и слишком чисто. Врач — женщина лет пятидесяти, с внимательными глазами и усталой улыбкой — поздоровалась, предложила сесть, забрала папку. Листала бумаги, хмурилась, делала пометки. А Оля смотрела на её руки — аккуратные, спокойные, будто они привыкли держать в себе все плохие новости и выдавать их порциями, чтобы не оглушить сразу.

— Ситуация непростая, — наконец сказала врач, откладывая бумаги. — У вашего отца прогрессирующее поражение сосудов, и есть критическое сужение в одной из ключевых артерий. Нужна операция. Эндоваскулярное вмешательство — стентирование.

Отец кивнул, будто речь шла не о его теле, а о ремонте трубы в подвале.

— Понятно, — сказал он. — И что дальше?

Врач посмотрела на него, потом на Олю и Макса, как будто выбирала, кому говорить проще.

— Дальше — подготовка, обследование, и затем сама операция. Шансы хорошие, если сделать вовремя. Но... — она чуть помедлила, подбирая слова, — стоимость процедуры немаленькая. В частной клинике — порядка восьмисот тысяч рублей. Плюс анализы, плюс пребывание в стационаре. Если считать всё вместе, выйдет примерно миллион.

Оля почувствовала, как пол чуть качнулся. Миллион. Это слово упало в тишину кабинета, как камень в воду, и круги пошли по всему её телу — от затылка до кончиков пальцев.

— А по ОМС? — быстро спросил Макс. Голос у него был ровный, но в нём уже слышалось напряжение, как в натянутой струне.

— По ОМС можно, — кивнула врач. — Но очередь. Сейчас ожидание — около трёх месяцев. А у нас нет этих трёх месяцев. Состояние нестабильное. Каждый месяц риск осложнений растёт.

Отец хотел что-то сказать, но закашлялся — сухо, надрывно, звук царапал воздух. Оля инстинктивно подалась вперёд, хотела положить руку ему на плечо, но остановилась: он бы не позволил. Он терпеть не мог, когда его жалели.

Когда кашель стих, отец выдохнул, провёл ладонью по лицу и тихо сказал:

— Значит, надо искать деньги.

Врач кивнула, но в её взгляде было что-то похожее на сожаление — не жалость, а именно сожаление, что мир устроен так, что здоровье приходится покупать.

— Я дам вам список клиник, где можно сделать операцию быстрее, и контакты координаторов. Они помогут с оформлением. Но решать нужно в ближайшее время.

Они вышли из кабинета почти молча. Отец снова шёл прямо, будто ничего не случилось. Макс нёс папку, и пальцы его чуть сжимались на краях, как будто он хотел её смять, но сдерживался. Оля шла между ними, чувствуя, как внутри всё сжимается в тугий узел.

В коридоре было шумно: кто-то плакал, кто-то говорил по телефону слишком громко, лифт звякнул и распахнул двери. Но для Оли этот шум звучал как сквозь вату.

Они остановились у окна, где из рамы дуло, и город внизу казался серым и чужим.

— Ладно, — сказал отец, глядя в окно. — Не будем паниковать. Что-нибудь придумаем.

Макс посмотрел на него. И Оля увидела, как в его глазах мелькнуло что-то — не надежда, а попытка её изобразить.

— Да, — медленно произнёс Макс. — Мы что-нибудь придумаем.

Но в этих словах не было уверенности. Они звучали как обещание, которое он сам не знал, сможет ли сдержать.

Оля достала из кармана телефон, открыла калькулятор, начала быстро считать: сколько у них на счетах, сколько можно взять в долг, сколько они зарабатывают в мастерской за месяц... Цифры плясали перед глазами, складывались в суммы, которые были слишком маленькими, чтобы покрыть миллион.

— Может, кредит? — неуверенно предложила она. — Или рассрочка?

Макс покачал головой.

— На такую сумму без залога не дадут. А если и дадут, проценты съедят всё. Да и... — он покосился на отца, — он не согласится. Ты же знаешь.

Отец действительно не согласился бы. Для него взять деньги в долг на лечение — всё равно что признать себя обузой. А он ни за что не хотел быть обузой.

— Не надо, — тихо сказал он, будто услышал их разговор. — Я не хочу, чтобы вы влезали в долги из-за меня.

— Пап, — начала Оля, но он поднял руку — не грубо, просто чтобы остановить.

— Не сейчас, ладно? Давайте просто... подумаем.

И они стояли у окна, втроём, и смотрели на город, который жил своей обычной жизнью: машины ехали, люди спешили, витрины светились. А внутри у Оли было ощущение, что время вдруг стало слишком быстрым — и слишком медленным одновременно. Как будто оно мчалось вперёд, отсчитывая дни до операции, и в то же время застыло в этой минуте, делая её невыносимо длинной.

Потом Макс достал из внутреннего кармана сложенный лист — прайс-лист одной из клиник, который ему сунули на стойке информации. Он развернул его, посмотрел на цифры, потом сжал в кулаке, но тут же расправил, будто стыдясь этого жеста.

— Мы справимся, — снова сказал он, уже твёрже. — У нас есть мастерская, есть клиенты, есть руки. Мы заработаем.

Оля кивнула, потому что хотела верить. Но в голове у неё крутилась другая мысль — та, которую она боялась произнести вслух: за несколько месяцев они столько не заработают. Даже если будут работать без сна и отдыха.

А потом, как будто отвечая на эту мысль, в кармане куртки тихо звякнул телефон. Оля достала его — и на экране увидела сообщение от одного из друзей Макса: «Привет. Есть тема. Нужно поговорить».

Она посмотрела на Макса. Он заметил взгляд, чуть нахмурился, но ничего не сказал. Просто сунул прайс в карман и тихо произнёс:

— Поехали домой. Надо всё обдумать.

Отец снова кашлянул, но на этот раз тише, будто старался сделать это незаметно.

— Да, — согласился он. — Дома лучше думается.

И они пошли к выходу, мимо белых стен, мимо табличек с названиями отделений, мимо людей, у которых были свои беды и свои надежды. И каждый из них нёс свою тяжесть — разную, но одинаково тяжёлую.

Глава 3. Предложение, от которого не отказываются

Гараж друзей Макса стоял на отшибе, в промзоне, где старые склады жались друг к другу, как усталые люди в очереди. Здесь не было аккуратных вывесок и глянцевых полов — только бетон, ржавчина и запах бензина, который въедался в лёгкие и оставался там, будто напоминание: тут действуют другие правила.

В полумраке светила только одна лампа над верстаком, бросая резкие тени на лица. Макс стоял, прислонившись к стойке, и старался выглядеть спокойным — но пальцы его то и дело сжимались и разжимались, будто сами искали, за что ухватиться. Рядом, чуть позади, стояла Оля. Она не хотела быть здесь, но не могла оставить Макса одного. Слишком хорошо она знала, как такие разговоры меняют людей.

Напротив них, у капота разобранного внедорожника, стояли двое: Серый и Бугор. Серый — быстрый, нервный, с глазами, которые всё время бегали по углам, будто искали выход. Бугор — массивный, неторопливый, говорил мало, но каждое его слово звучало как удар молотка по металлу.

— Слушай, Макс, — начал Серый, постукивая ключом по ладони. — У нас тут тема. Не для всех, но для своих. Подработка.

Макс чуть приподнял бровь — не от удивления, а чтобы не выдать, насколько ему сейчас не по себе.

— Подработка — это когда масло меняют, — сказал он ровно. — Или колодки.

Бугор хмыкнул, но без злости — скорее, с уважением к попытке держаться за привычное.

— Тут не про колодки, — спокойно сказал он. — Тут про машины. Дорогие. И про людей, которые хотят их получить, не задавая вопросов.

Оля почувствовала, как внутри всё сжалось. Она не смотрела на Макса — боялась увидеть в его глазах то, чего не хотела видеть: интерес.

Серый подался вперёд, голос его стал тише, будто он боялся, что стены подслушают.

— Есть заказ. Конкретный. Ленд Крузер. Стоит в спальном районе, камеры есть, но мы знаем слепые зоны. Нужен человек, который умеет не просто открыть, а сделать это так, чтобы никто не понял, что вообще что-то было.

Он бросил короткий взгляд на Олю. Она не шевельнулась, но почувствовала этот взгляд, как холодный ветер по коже.

— И кто будет открывать? — спросил Макс, и в его голосе впервые проскользнуло что-то новое — не любопытство, а расчёт.

— Тот, кто делает это быстро, — ответил Бугор. — Говорят, у тебя сестра... умеет.

Оля сжала кулаки в карманах куртки. Ей хотелось сказать: «Я не умею. Я ничего не умею», — но слова застряли в горле. Потому что она умела. И это знание теперь выглядело не как навык, а как приговор.

Макс помолчал. В гараже было слышно, как капает вода где-то в углу — медленный, упрямый звук, будто время специально тянулось, давая ему шанс передумать.

— Сколько? — наконец спросил он.

Серый назвал сумму. Оля не сразу поняла, сколько это, потому что цифры смешались с шумом в ушах. А потом поняла — и ей стало холодно. Это были те самые деньги. Почти половина.

— Это только первый, — добавил Бугор. — Если всё чисто, будет ещё. И не одна машина.

Макс посмотрел на Олю. В его взгляде не было вопроса «ты согласна?», потому что он знал: она не согласится. Он спрашивал другое: «Мы можем это сделать? Мы можем спасти отца, не сломав себя?»

Оля покачала головой, прежде чем успела подумать.

— Нет, — сказала она. — Это не вариант. Мы найдём другой способ. Кредит, рассрочка, я не знаю... что угодно.

Серый фыркнул, но тут же прикусил язык под тяжёлым взглядом Бугра.

— Другой способ, — повторил Бугор, будто пробовал фразу на вкус. — А если другого не будет? Если время идёт, а денег нет? Ты знаешь, как это бывает. Иногда приходится делать то, что не хочется, чтобы спасти того, кто важнее всего.

Отец. Его лицо всплыло перед глазами Оли — бледное, с упрямым взглядом, с кашлем, который звучал как предупреждение. И она вдруг поняла, что страх — это не только перед тем, что будет, если они сделают это. Страх — перед тем, что будет, если они не сделают.

Макс снова молчал. Оля видела, как он считает: шансы, риски, последствия. И как каждое «но» становится тяжелее предыдущего.

— Мы не профессионалы, — наконец сказал он. — Мы механики, а не угонщики.

Бугор пожал плечами.

— Профессионалы берут больше. И задают больше вопросов. Нам нужны свои. Те, кто понимает машины. И кто не будет болтать.

Серый достал из кармана тонкий конверт и положил его на капот — аккуратно, будто это была не пачка денег, а хрупкая вещь, которая могла разбиться.

— Вот аванс. Если скажете «нет» — заберёте и уйдёте. Никто не обидится. Но если скажете «да»... тогда начинаем.

Тишина в гараже стала густой, почти осязаемой. Оля слышала, как стучит её сердце — не быстро, а тяжело, будто каждый удар был вопросом: «Ты готова?»

Она посмотрела на Макса. Он смотрел на конверт, но видел не деньги — он видел операцию, больницу, отца, который не должен ждать три месяца.

И вдруг Оля услышала свой голос — тихий, но твёрдый:

— А если это единственный способ?

Макс резко повернул голову, будто не верил, что эти слова произнесла она.

— Единственный? — переспросил он. — Ты правда так думаешь?

Она не ответила сразу. Потому что не знала, правда ли это. Но знала другое: если есть хоть малейший шанс спасти отца — она должна его использовать. Даже если этот шанс пах бензином, полумраком и чужой тайной.

— Я не хочу этого, — сказала она, глядя прямо на Бугра, потом на Серого. — Но я сделаю. Если это правда нужно.

Бугор кивнул — не радостно, а так, будто принимал не согласие, а обязательство.

— Хорошо, — сказал он. — Тогда слушайте план.

Они вышли из гаража почти в сумерках. Воздух снаружи был чище, но не легче. Оля глубоко вдохнула, пытаясь смыть с себя запах бензина, но он остался — въелся в куртку, в волосы, в самую кожу.

Макс шёл рядом, молчаливый, будто слова, которые он хотел сказать, были слишком тяжёлыми, чтобы их произносить.

— Ты не должна этого делать, — наконец выдал он.

Оля усмехнулась — горько, без веселья.

— А кто должен? Ты? Один? Макс, мы команда. Ты учил меня чувствовать машину, разбирать её, собирать обратно. А теперь... теперь это умение может спасти папу. Разве это плохо?

— Плохо то, что мы идём по краю, — тихо сказал он. — И я не уверен, что смогу нас удержать.

Она положила руку ему на плечо — лёгкое прикосновение, чтобы он понял: они идут вместе.

— Тогда будем держаться друг за друга, — сказала она. — И сделаем ровно столько, сколько нужно. Не больше.

Макс кивнул. Но в его глазах всё ещё была тень сомнения — и страха. Не за себя. За неё.

Дома отец сидел на кухне, пил чай и делал вид, что всё в порядке. Когда они вошли, он поднял глаза, улыбнулся — чуть устало, но искренне.

— Ну что, думали? — спросил он. — Есть идеи?

Оля посмотрела на Макса. И в этот момент они оба поняли: правду сказать нельзя. Не сейчас. Может, вообще никогда.

— Есть, — сказал Макс, и голос его звучал твёрже, чем он чувствовал себя на самом деле. — Мы что-нибудь придумаем.

Отец кивнул, будто верил. Или хотел верить.

А Оля села напротив, положила руки на стол и посмотрела на свои пальцы — пальцы, которые знали, как открыть машину за двадцать секунд. И подумала: «Пусть это будет единственный раз. Пусть этого хватит».

Глава 4. План, который звучит как безумие

В их мастерской вечер тянулся медленно, будто сам не хотел подталкивать их к тому, что предстояло. Свет ламп был жёлтым и тёплым, привычным, и от этого контраст с тем, что они собирались сделать, казался ещё страшнее. На полу валялись старые тряпки, пахло маслом и пылью — всё как всегда. Только воздух был чуть тяжелее, будто в него подмешали напряжение.

«Старое корыто» — так они называли ржавый седан, который давно никто не чинил, а просто использовали для тренировок. Он стоял в дальнем углу, с просевшими дверями и тусклыми фарами, будто стыдился своего вида даже среди старых машин. Но для их целей он был идеален: замки ещё работали, сигнализация давно сдохла, а кузов был достаточно крепким, чтобы выдерживать неловкие попытки и ошибки.

Макс расхаживал вокруг него, постукивал по крыльям, хмурился, как будто машина лично его чем-то обидела. Оля стояла рядом, тербила край куртки и старалась выглядеть спокойной, хотя внутри всё дрожало.

— Ладно, — наконец сказал Макс, останавливаясь и глядя на Олю так, будто от её следующего шага зависело, будут ли они вообще продолжать. — Сначала без спешки. Нам нужно не скорость. Нам нужно, чтобы это выглядело как ничего. Как будто дверь сама открылась.

Оля кивнула, но не стала спорить. Она знала: Макс сейчас говорит не столько для неё, сколько для себя. Пытается убедить себя, что это просто ещё одна задача, которую можно разобрать по винтикам, как любой двигатель.

— Просто представь, что ты не угоняешь, — добавил он, чуть тише. — Представь, что ты просто проверяешь, всё ли в порядке. Как будто ты хозяйка.

Оля хмыкнула, и напряжение чуть отступило — ровно настолько, чтобы она смогла улыбнуться краем губ.

— Хозяйка ржавого седана? — сказала она. — Звучит как мечта.

Макс тоже чуть расслабился и фыркнул.

— Ну, зато никто не обидится, если поцарапаешь.

Она подошла к двери, провела пальцами по кромке, нашла ту самую микрощель, где металл чуть отошёл от уплотнителя. Достала свой маленький прибор — чёрную коробочку, не больше пачки сигарет, — и приложила к двери. Внутри тихо щёлкнуло.

Замок открылся.

Оля потянула ручку, села за руль, повернула ключ-заготовку — машина не завелась, но стартер щёлкнул, как будто пытался вспомнить, каково это — жить.

— Десять секунд, — пробормотал Макс, глядя на телефон. — Ты делаешь это слишком быстро. Это выглядит как соревнование.

Оля пожала плечами, стараясь казаться равнодушной.

— Привычка. Ты сам меня учил: чем быстрее найдёшь проблему, тем быстрее починишь.

— Это не ремонт, — буркнул Макс. — Тут надо не быстро. Тут надо... незаметно. Как будто тебя тут вообще не было.

Он обошёл машину, посмотрел на следы на полу, на едва заметную царапину на ручке, которую она оставила, когда торопилась.

— Вот это, — он коснулся царапины ногтем, — это как подпись. «Здесь была Оля». А нам нужно, чтобы никто не понял, что тут кто-то был.

Оля вздохнула, но не обиделась. Она знала, что он прав.

— Хорошо, — сказала она. — Давай ещё раз. Медленнее.

И она начала заново. На этот раз не тянула ручку сразу, а чуть задержалась, будто проверяла, не заперта ли дверь. Потом аккуратно приложила прибор, подождала, пока замок щёлкнет, и только потом потянула. Дверь открылась без скрипа, мягко, почти вежливо.

— Вот, — кивнул Макс. — Уже лучше. Теперь попробуй завести, но без суеты. Как будто ты просто хочешь послушать радио.

Оля снова села, повернула ключ. На этот раз стартер крутанулся чуть ленивее, будто машина действительно просто хотела послушать музыку.

— Отлично, — сказал Макс, но в его голосе всё равно слышалось напряжение. — А теперь представь, что рядом камера. И ещё одна — на углу. И охранник, который делает обход каждые пять минут. И у нас есть ровно двадцать секунд, чтобы исчезнуть из кадра.

Оля посмотрела на него. В его глазах не было бравады — только холодная математика: секунды, углы, расстояния.

— Двадцать секунд, — повторила она, будто примеряя фразу на себя. — Это мало.

— Это ровно столько, сколько нужно, — твёрдо сказал Макс. — Не больше. Не меньше. Если мы будем тратить больше — нас поймают. Если меньше — будем спешить и ошибаться.

Он достал из кармана сложенный лист — схему района, где стоял Ленд Крузер. На ней были отмечены камеры, слепые зоны, возможные маршруты отхода. Линии были нарисованы ручкой, кое-где перечёркнуты и исправлены.

— Смотри, — сказал он, раскладывая лист на капоте. — Вот здесь камера смотрит в эту сторону. Здесь — слепая зона. Если ты будешь здесь, тебя не увидят. Но если ты сдвинешься на полметра — тебя увидят. Полметра, Оля. Это как шаг. Один шаг — и всё.

Оля наклонилась, вгляделась в линии, в крестики, в стрелки. Ей вдруг стало страшно не от того, что их могут поймать, а от того, насколько хрупким был этот план. Сколько всего могло пойти не так: камера, которая внезапно повернётся, охранник, который решит сделать обход на минуту раньше, случайный прохожий, который заметит, как открывается дверь.

— Звучит как безумие, — тихо сказала она, не поднимая глаз.

Макс хмыкнул, но на этот раз в его смехе не было даже намёка на веселье.

— Да, — согласился он. — Безумие. Но другого плана у нас нет.

Они замолчали. В мастерской было слышно, как капает вода из старого крана, как где-то в углу шуршит мышь, как гудит лампа под потолком. Обычные звуки, которые вдруг стали слишком громкими.

Потом Оля снова посмотрела на схему.

— А если мы сделаем вот так? — она провела пальцем по бумаге, предлагая другой маршрут. — Если я пойду не здесь, а здесь? Тогда я смогу держаться в тени, и мне не придётся пересекать открытую площадку.

Макс нахмурился, потом кивнул.

— Возможно, — сказал он. — Но тогда тебе придётся идти мимо охранника.

— Я буду идти как будто я просто иду домой, — сказала Оля. — Как будто у меня в руке ключи от своей машины, и я просто устала, и хочу поскорее лечь спать.

Макс посмотрел на неё, и в его взгляде мелькнуло что-то похожее на гордость — и на страх.

— Ты слишком хорошо это придумываешь, — пробормотал он. — Это пугает.

Оля улыбнулась, но улыбка вышла кривой.

— Значит, я делаю всё правильно, — сказала она.

Отец появился в дверях мастерской, когда они уже в третий раз прогоняли маршрут, шепча друг другу команды, как будто кто-то мог их услышать. Он стоял, прислонившись к косяку, и смотрел на них так, будто пытался понять, что происходит, но не хотел спрашивать.

— Что делаете? — спокойно спросил он.

Макс тут же сложил схему и сунул её в карман, слишком быстро, чтобы это выглядело естественно.

— Да так, — сказал он, стараясь говорить небрежно. — Тренируемся. Оля отрабатывает вскрытие замков. Для работы. Вдруг пригодится.

Отец кивнул, но смотрел не на Макса, а на Олю. И в его взгляде было что-то такое, что ей захотелось сказать правду. Но она не могла.

— Ага, — сказала она, стараясь звучать бодро. — Вдруг клиент потеряет ключи. Надо уметь открывать без повреждений.

Отец снова кивнул, будто поверил. Или сделал вид, что поверил.

— Главное, — тихо сказал он, — не забывайте, что машины — это железо. А люди — нет. Берегите себя.

Он постоял ещё секунду, потом ушёл, оставив после себя тишину, которая вдруг стала тяжелее.

Когда шаги стихли, Оля посмотрела на Макса.

— Он что-то подозревает, — прошептала она.

— Или просто чувствует, — ответил Макс. — Он всегда чувствовал, когда мы что-то замыслили. Даже когда были детьми.

Они снова посмотрели на схему, на машину, на часы. Время шло, и с каждой минутой сумма, нужная на операцию, казалась всё более недостижимой, а риск — всё более реальным.

— Ещё раз, — сказал Макс. — Прогоним весь маршрут. От начала до конца. Без ошибок.

И они начали снова. На этот раз медленнее, внимательнее, как будто каждая секунда была не просто временем, а обещанием: мы сделаем это, и мы вернёмся.

Позже, когда небо стало тёмносиним, а в мастерской зажгли все лампы, Оля сидела на старом ящике и смотрела на свои руки. Они были в масле, в царапинах, в мелких шрамах от металла — обычные руки механика. Но теперь они казались ей чем-то другим. Чем-то, что может не только чинить, но и ломать.

Макс подошёл, сел рядом, протянул ей бутылку воды.

— Ты молодец, — сказал он. — Ты всё делаешь правильно.

Оля покачала головой.

— Я не чувствую, что делаю правильно, — призналась она. — Я чувствую, что мы балансируем на краю. И не знаю, сможем ли удержаться.

Макс помолчал, потом тихо сказал:

— Мы удержимся. Потому что мы вместе. И потому что у нас нет другого выхода.

Он встал, подошёл к «старому корыту», постучал по капоту, как будто благодарил его за помощь.

— Завтра, — сказал он, глядя на Олю. — Завтра мы прогоним маршрут уже не здесь. Мы поедем туда. Посмотрим вживую. Без спешки. Просто посмотрим.

Оля кивнула. Ей хотелось верить, что «просто посмотрим» — это всё, что им нужно. Что они смогут остановиться на этом. Но где-то внутри она уже знала: они зашли слишком далеко, чтобы просто смотреть.

Глава 5. Первый раз — самый страшный

Ночь не была по-настоящему тёмной — город не давал ей такой возможности. Фонари, неоновые вывески, свет из окон, отсветы фар на мокром асфальте — всё это смешивалось в серую пелену, в которой легко было спрятаться и так же легко выдать себя неловким движением.

Оля и Макс шли по спальному району почти бесшумно, стараясь слиться с этой полутьмой. На Оле была чёрная куртка с капюшоном, но она не натягивала его — не хотела выглядеть подозрительно. Макс шёл чуть впереди, будто прокладывал путь, но на самом деле он просто пытался скрыть, как сильно напряжены его плечи.

— Смотри, — тихо сказал он, останавливаясь у угла дома и указывая на столб. — Камера. Висит низко, смотрит прямо на парковку. Но вот тут, — он провёл пальцем по воздуху, — есть слепая зона. Если встать вот так, тебя не видно.

Оля подошла, встала в ту точку, которую он показал, и посмотрела на камеру. Та смотрела на неё, равнодушная и холодная, как глаз чужого мира.

— Если я сделаю шаг влево, — прошептала она, — я в кадре?

— Да, — кивнул Макс. — И если ты будешь там стоять больше трёх секунд, кто-то это заметит. Даже если никто не смотрит в реальном времени — запись потом посмотрят. И будут смотреть внимательно.

Она отступила на полшага назад, в тень, и почувствовала, как холод стены коснулся спины.

— Страшно, — призналась она. — Не от того, что поймают. А от того, как это просто: один неверный шаг — и всё.

Макс посмотрел на неё, и в его взгляде было то, чего она боялась увидеть: он тоже боялся. Не за себя — за неё.

— Мы не будем делать ничего лишнего, — сказал он твёрдо. — Сегодня мы только смотрим. Считаю шаги. Запоминаем, где свет, где тень. Это не репетиция угона. Это репетиция того, как не попасться.

Они двинулись дальше, вдоль домов, мимо припаркованных машин, мимо детской площадки, где качели тихо поскрипывали на ветру, будто предупреждали: не надо, не ходи туда.

Ленд Крузер стоял на парковке у соседнего корпуса — большой, тёмный, почти незаметный в ночи. Но для Оли он был как маяк. Она видела его линии, его зеркала, его ручки — всё, что ей предстояло коснуться, если они решатся.

Макс остановился за деревом, прижался к стволу, сливаясь с темнотой. Оля встала рядом, стараясь дышать ровно, но воздух был слишком холодным, слишком острым, и каждый вдох отдавался в груди.

— Вот отсюда, — прошептал Макс, — ты должна выйти. Не бегом, не шагом — как будто ты просто идёшь домой. Ты живёшь тут. Ты устала. Тебе просто надо дойти до подъезда.

— А если кто-то выйдет из подъезда? — так же тихо спросила Оля.

— Тогда ты кивнёшь, — спокойно ответил Макс. — «Добрый вечер». И пойдёшь дальше. Без спешки. Спешка — это паника. Паника — это ошибка.

Она кивнула, хотя внутри всё сжималось. Ей казалось, что она уже делает что-то не так — слишком долго стоит, слишком явно дышит, слишком сильно хочет, чтобы этого не было.

Они начали прогонять маршрут. Оля выходила из тени, шла вдоль дома, огибала угол, приближалась к машине — но не касалась её, даже не смотрела на ручку. Просто шла мимо, как будто это была не цель, а просто предмет на её пути.

На каждом этапе Макс останавливал её, показывал, где камера, где свет фонаря, где тень, где можно задержаться, а где нужно пройти быстрее. Он считал секунды, шептал команды, как будто они были на учениях, а не на обычной городской парковке.

— Здесь, — говорил он, — ты делаешь вид, что проверяешь телефон. Это нормально. Все проверяют телефоны. Никто не подумает, что ты смотришь, где камеры.

Оля кивала, делала, как он говорил, и чувствовала, как реальность становится странной, искажённой: обычные вещи — фонари, машины, подъезды — превращались в препятствия, в элементы плана, в ловушки.

Когда они прошли весь маршрут, Макс остановился, достал схему и начал отмечать на ней точки: «камера», «слепая зона», «свет», «тень». Писал быстро, чётко, как будто от этих пометок зависела их жизнь.

— Теперь обратно, — сказал он. — Пройдём тем же путём, но в другую сторону. Чтобы ты видела, как это выглядит с другой стороны.

И они пошли снова. На этот раз Оля замечала то, чего не видела раньше: охранника у шлагбаума, который курил и смотрел в телефон; прохожего с собакой, который шёл медленно, будто растягивал ночь; камеру на торце дома, которая смотрела не на парковку, а на тротуар — и могла поймать их, если они пойдут не там.

Каждый новый элемент плана казался ей камнем, который ложился на плечи. Чем больше она знала, тем страшнее ей становилось — потому что теперь она видела не только возможности, но и риски.

Когда они вернулись к исходной точке, к тому самому углу, где всё началось, Оля остановилась, оперлась рукой о стену, чтобы не дрожали пальцы.

— Это сложнее, чем казалось, — выдохнула она.

Макс кивнул.

— Да. В мастерской всё понятно: есть деталь, есть проблема, есть решение. А тут... тут проблема в том, что всё не про детали. Тут проблема в людях. В их внимании. В их памяти. В том, что кто-то может просто поднять голову и увидеть.

Оля посмотрела на него. В его глазах не было бравады, не было азарта — только усталость и решимость.

— Если мы это сделаем, — тихо сказала она, — дороги назад не будет.

Макс помолчал, будто взвешивал каждое слово, прежде чем произнести его. Потом посмотрел прямо на неё и сказал:

— Тогда не будем оглядываться.

Эти слова прозвучали не как обещание, а как клятва. И Оля поняла: он не говорит, что всё будет хорошо. Он говорит, что, если они сделают этот шаг, они пройдут его до конца — даже если он будет самым страшным.

Они постояли ещё минуту, глядя на ночной город, который жил своей жизнью, не зная и не подозревая, что для них эта ночь стала границей между «до» и «после». Потом Макс сложил схему, сунул её в карман и кивнул:

— Пойдём. Сегодня мы сделали главное — мы увидели. Остальное решим завтра.

И они пошли прочь от парковки, от машины, от плана — но не от решения. Оно уже жило внутри, холодное и тяжёлое, как металл, который нужно было согреть, чтобы он стал гибким.

По дороге домой Оля старалась смотреть на обычные вещи: на витрины магазинов, на светящиеся окна, на людей, которые просто шли по своим делам, не думая о камерах и слепых зонах. Но теперь она видела мир иначе — как карту рисков и возможностей. И от этого он казался одновременно более опасным и более знакомым.

Отец ждал их дома. Он сидел на кухне, пил чай, и когда они вошли, поднял глаза — спокойные, усталые, полные тихой заботы.

— Вы поздно, — сказал он просто.

— Гуляли, — коротко ответил Макс, стараясь звучать обыденно.

Отец кивнул, будто поверил. Или сделал вид, что поверил.

— Хорошо, — тихо сказал он. — Главное, что вы вместе. Остальное... остальное мы как-нибудь решим.

Оля села напротив него, взяла чашку, которую он ей протянул, и почувствовала, как тепло керамики немного согревает её замёрзшие пальцы. Она хотела сказать ему правду — или хотя бы часть правды. Но слова не шли. Потому что правда была слишком тяжёлой для его плеч.

А ночью, когда все уснули, Оля лежала в темноте и смотрела в потолок. Перед глазами крутились маршруты, камеры, тени, шаги. И одна фраза не давала ей покоя: «Если мы это сделаем, дороги назад не будет». Она повторяла её про себя, как заклинание, пытаясь привыкнуть к её весу.

И где-то в глубине души она уже знала: они сделают. Потому что другого выхода не было. И потому что иногда самый страшный шаг — это единственный способ спасти того, кто тебе дороже всего.

Продолжение следует.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.